

Прошлое - будущему

На пороге XXI века: Интервью с ленинградскими академиками

Имя выдающегося советского ученого академика Дмитрия Сергеевича Лихачева хорошо известно в нашей стране. Дважды лауреат Государственной премии СССР, почетный член многих зарубежных академий и университетов, он внес большой вклад в изучение древнерусской литературы, теории русской и мировой культуры. Его перу принадлежит более двух десятков фундаментальных работ, сотни научных статей. Д. С. Лихачев руководит сектором Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

Однако круг научных интересов академика выходит далеко за пределы основной научной темы. Можно только удивляться широте и разнообразию проблем, которые рассматривает ученый в своих работах. Назовем для примера лишь некоторые темы: «Культура русского народа», «Пушкин и мы», «Постигая время», «О русской пейзажной живописи», «Сады и парки», «Природа России и Пушкин», «Об интеллигентности», «Барокко и его русский вариант в XVII веке», «Истоки и характер содружества братских литератур». Многие из этих тем нашли отражение в сборнике трудов Д. С. Лихачева, вышедшем в 1985 году в издательстве «Наука», — «Прошлое — будущему».

Само название этой книги уже отражает главную мысль, которую настойчиво проводит ученый во всех своих выступлениях — без прошлого нет будущего, опыт прошлого — урок для будущего. А один из афоризмов академика, собранных в этой книге, особенно хорошо выражает эту связь времен: «Каждый ученый должен обладать благодарностью к предшественникам, уважением к современникам и ответственностью перед будущими учеными. Тогда дело его будет многолетним на земле». И еще: «Культура движется вперед не путем перемещения в пространстве, а путем накопления ценностей».

— Дмитрий Сергеевич, каждый культурный человек знает о существовании древнерусской литературы. Мы знакомимся с ней еще в школе. Но на этом, увы, нередко и заканчивается знакомство. А это, как известно, та область культуры, которая заключает в себе огромное духовное богатство, накопленное русским народом в течение многих веков. Скажите, пожалуйста, что характерно для древнерусской литературы, что отличает ее от других литератур?

— Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее французской, английской и немецкой литератур. Она насчитывает семь веков. Ее начало восходит ко второй половине X века. И хотя изучение древнерусской литературы ведется давно и очень усердно, я думаю, что в полной мере художественные ценности ее еще не определены по-настоящему. Одно бесспорно — эта литература свидетельствует об очень высокой культуре Древней Руси, культуре исторической.

Всему миру известны берестяные грамоты, церковная и фольклорная музыка. Мы знаем о высоком искусстве иконописи — она прославлена во всем мире, о необыкновенно прекрасной древнерусской архитектуре.

Удивительно градостроительное искусство Древней Руси, чувство ансамбля, которое ярко выражено в Ростове, Угличе, Суздале, Новгороде. Мы знаем об обостренном чувстве истории, об интересе к истории у русского народа.

Что касается литературы, то я уже сказал: она не таит в себе эффекта гениальности, голос ее негромок, авторское начало приглушено, она не дала миру ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором нет или почти нет солистов.

И все же эта литература поражает своей монументальностью и величию целого. Эта литература возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение. Я бы еще сравнил ее со средневековым собором, в строительстве которого в течение нескольких веков принимали участие тысячи каменщиков.

Что же отражает древнерусская литература? Прежде всего мир представлений современного ей общества. И в этих представлениях древнерусского человека не покидало чувство значительности происходящего, значительности всего временного, значительности истории и человеческого бытия. Русский человек всегда помнил о мире в целом как об огромном единстве и ощущал свое место в этом мире. Большой и малый мир, вселенная и человек!

Все взаимосвязано, все важно, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека. Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни. Это, если хотите, эпос, рассказывающий историю вселенной и историю Руси.

Возьмем одно из самых ранних произведений древнерусской литературы — «Повесть временных лет», которую написал летописец Нестор в Киево-Печерском монастыре в конце XI—начале XII века. Это поразительное историческое произведение. Это не только запись событий, это еще и философские рассуждения, какое-то свое отношение к истории. И это имело огромное значение в патриотическом воспитании русского народа. Каждый летописец не только записывал историю своего времени, но и переписывал предшествующие летописи, потому что он ощущал себя принадлежащим не только тому или иному княжеству, но и Руси в целом.

Кстати сказать, литература и особенно летописание сыграли колоссальную роль в русской истории. Вы

представляете себе, в XII веке еще нет единого государства, на чем же зиждется сознание того, что ты принадлежишь к Русской земле? На общности языка, на общности фольклора, на общности письменного наследия и — на летописании. Именно это лежит в основе «Повести временных лет» — напоминание о единстве Русской земли. Это было очень важно, потому что литература и летописаний приняли на себя в ту пору функцию государства. А она заключалась не только в классовом подавлении, но и во внешней охране страны от других народов, в сохранении единства. «Повесть временных лет» и другие сочинения поразительны по высоте нравственного сознания и чувства ответственности перед государством. Что объединяло людей, расселенных в древние времена на огромной территории Русской равнины? Язык, книжность, фольклор, искусство. Они были едины. Это помогало в тяжелые времена осознавать свое национальное единство. Воинские повести напоминали им об их силе. Новгородский летописец включал в свое произведение записи киевского летописца, а тот, в свою очередь, описывал события Владимирского княжества. А потом летопись обогащалась галицкими, волынскими и переяславскими авторами. Так создавалось единое летописное повествование о городах и княжествах Древней Руси. Вообще древнерусская литература очень разнообразна. Мы находим в ней и изящную простоту повествования народных легенд, и сложнейшие философские рассуждения, и протокольную лаконичность летописных записей. И тот, кто говорит о косности, неподвижности, однообразии, якобы присущих древнерусской литературе, не просто не прав. Говорить так может только не знающий ее человек, а потому и не умеющий ее ценить.

— Дмитрий Сергеевич, знакомясь с вашими научными трудами и публицистическими работами, я невольно обратила внимание на одну особенность — вы всегда и во всем умеете увидеть, найти и подчеркнуть связь с прошлым, с историей, с вековой культурой русского народа, всегда отмечаете преемственность культурных традиций и нравственных начал. Какое из них вы считаете самым важным?

— Я думаю, это прежде всего патриотизм. Чувство любви к Родине всегда было чрезвычайно характерно для русского народа. Причем я бы хотел особенно подчеркнуть, что тут ни в коем случае нельзя смешивать патриотизм и национализм. Патриотизм — это любовь к своему народу. Национализм — это пренебрежение, неуважение, ненависть к другим народам. И одно, конечно же, несовместимо с другим. Если вы любите свою мать, вы поймете и других людей, любящих свою мать, своих детей. И эта черта будет вам не только знакома, но и приятна. Если вы любите свой народ, вы поймете и другие народы, которые любят свою природу, свое искусство, свое прошлое.

Всем известно, как, допустим, болгары любят свою маленькую страну. Но именно это и делает их такими гостеприимными по отношению ко всем, кто к ним приезжает. Я думаю, что именно знание далекого прошлого Отчизны, многострадального и героического, позволяет глубже понять, увидеть подлинные корни подвигнического, мужественного служения интересам родной земли и интересам своего народа. Патриотизм — начало творческое, начало, которое может осветить всю жизнь человека. Патриотизм — это тема, если так можно сказать, жизни человека, его творчества. Патриотизм непременно должен быть духом всех гуманитарных наук, духом всего преподавания.

Говоря о патриотизме, мне хотелось бы отметить две интересные особенности древнерусской литературы, которые перешли в новую литературу и о которых мы не должны забывать. Первая особенность хорошо видна в таком прекрасном памятнике древнерусской литературы, как «Казанская история», в которой рассказывается о завоевании русским войском Казани. Это середина XVI века. Между прочим, в честь присоединения Казани построен храм на посаде — «Василий Блаженный». Так вот, что замечательно в этом произведении: автор восхищается мужеством оборонителей Казани — татар. И нам не стыдно за это произведение перед казанскими татарами, потому что летописец говорит об их мужестве. Более того, он жалеет татар, жалеет! Русский автор жалеет татар и сочувствует им. Он не только великолепно знает казанскую историю — кстати сказать, это лучший источник по татарской истории, — но и пишет о казанских татарах с сочувствием. Государственная необходимость заставляет завоевать Казань, но это завоевание происходит не с ненавистью к татарскому народу. Кроме того, автор описывает замечательный, почти как плач Ярославны, плач татарской царицы Сюимбике, которую везут в Москву. Она плачет по красоте Казани, и это все в русском произведении. Это замечательно!

Так же точно было, когда Всеволод завоевывал булгар на Волге. Их победили, и летописец описывает, как русские ведут пленных булгар — по одной стороне ведут пленных, а по другой идут их жены и дети, плачущие по ним, и летописец пишет об этом. Он сочувствует, он понимает, что жены и дети этих храбрых булгар страдают и мучаются. И он это описывает. И вот это отсутствие расовой ненависти и такого тупого национализма, который был в последней войне у гитлеровской Германии, — поразительная черта древнерусской литературы и древнерусского народа.

И вторая замечательная черта — древнерусская литература не описывает завоевательные походы. Они описываются только в тот период, когда еще не сформировалась древнерусская народность — походы Игоря, Олега, Святослава на Царь-город — Константинополь. Дальние завоевательные походы, допустим, Мономаха на степь, только упоминаются, но не описываются. Почему? Непопулярны. Походы на чужую страну непопулярны! И вся русская воинская повесть посвящена обороне, оборонительным войнам, а завоевательные войны непопулярны.

Примечательно, что эта черта сохранилась и в новой русской литературе. Скажем, Л. Н. Толстой чем заканчивает «Войну и мир»? Он мог бы завершить роман-эпопею завоеванием Парижа, Лейпцигской битвой, торжеством русского оружия, полной реабилитацией русского оружия.

Нет, он не делает этого. Кутузов умирает где-то в пределах России, и историческая часть романа далее не идет. Его смерть символична. Л. Н. Толстой заканчивает «Войну и мир» на оборонительной части. Да возьмем вообще всю русскую литературу. Найдём ли мы в ней произведение, в котором восхвалялось бы завоевание чужих земель? Конечно, нет. И происходит это именно потому, что в течение веков древнерусская литература воспитывала наш народ в правильном понимании патриотизма.

— В 1985 году отмечалось 800-летие самого выдающегося памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Чем дорого нам это произведение, в чем его художественная ценность?

— Прежде всего в том, что это, пожалуй, наивысшее выражение все той же мысли — патриотизма. Как никакое другое, оно призывает к единству земли Русской. И это единство отмечено в «Слове» не только прямыми призывами, но и описанием всей Русской земли — от Балтийского, Варяжского морей на севере, где «поют девы готские», до берегов Черного моря. Вот это осознание огромности Русской земли от моря и до моря и единства этой земли очень важно и сейчас.

Значение «Слова о полку Игореве» и в том, что оно начинает, как бы открывает собой белорусскую литературу. В нем описаны и события киевские, и события на Волге, так что будущие украинские, белорусские и великорусские земли участвуют в «Слове» и говорят о единстве дачингизской Руси. Именно со «Слова» начинаются, в сущности, три восточнославянские литературы. Это произведение — символ единства наших культур и, я бы сказал, символ единства вообще всех, не только славянских народов, потому что там и восток, там и моравы, и чехи упоминаются, и народы западные, которые поют «славу Святославу».

И что еще важно: это не человеконенавистническое произведение. К половцам выражается отношение как к врагам, от которых нужно защищаться, но в «Слове» нигде нет чувства расового превосходства. Это очень важно. Там нигде половцы не называются оскорбительно. Они называются погаными, но в то время это слово имело совсем другой смысл, не такой, как сейчас. Оно ведь происходит от «паганус», что значит — языческий. Еще одна черта примечательна для этого произведения — сознание, что природа на стороне мира. Вы помните, конечно, что там «никнет трава», «деревья преклоняются в печали» в связи с военными событиями. А это мы и сейчас должны помнить, потому что, скажем, какая-нибудь атомная бомба или ракеты... Они ведь разрушат не только человеческую культуру, но убьют животных, растения, убьют все живое на земле. И борьба за мир, которая так актуальна сейчас, это борьба не только за сохранение человечества на земле, но и за сохранение всего живого, — ведь человек в ответе и за животных, и за птиц. И вот это все есть в «Слове» — это чувство ответственности за всю русскую, всю земную природу. Этим, по моему, произведение особенно замечательно — оно действительно ДО' сих пор.

Русские, белорусы, украинцы — не только родные по происхождению, языку, по современной культуре. У наших народов общее великое прошлое: период в триста лет, общий для наших культур. Это период полного единства, когда не представляло даже важности, где именно создан тот или иной памятник — в Киеве, Новгороде, во Владимире-Залесском, в Турове или Полоцке. Это период, когда наша общая литература жила единой любовью к общей родине — Руси.

Бессмертное «Слово о полку Игореве» родилось на стыке земель русского, украинского и белорусского народов в тот период истории Руси, когда еще не было разделения на эти три восточнославянских народа. Следовательно, оно в равной мере принадлежит трем братским народам. Больше чем принадлежит. Это символ их единства и братства. И мы, народы-братья, имеем одну любимую мать — Древнюю Русь. Вот почему мы должны особенно бережно изучать и беречь нашу общую литературу XI—XV веков, это — память о нашей общей матери — Руси, которая во многом определила последующее развитие братских литератур и все последующие наши литературные связи. Мы должны быть благодарными сыновьями нашей великой матери.

— Какое значение имеет древнерусская литература для литературы современной и какое она оказала влияние на литературу вообще?

— Изучение древнерусской литературы имеет прямое отношение к нашей современности и даже к будущему. Вы только что видели это на примере из «Слова о полку Игореве». Вообще в этой литературе нам многое дается как пример. Как пример, скажем, воспитания. Ведь вся древнерусская литература была воспитывающей, учила воспитанию именно нравственности, высоких нравственных начал. И это самое главное. Даже этот один аспект уже представляет огромную важность для современной литературы, так как обогащает ее превосходными примерами, дает прекрасные образцы воспитания. Я уже не говорю о том, что прочтение забытых идей, образов, воспоминание о традициях подсказывает иной раз много нового, рождает новое. Знание древнерусской литературы необходимо сегодня прежде всего для того, чтобы правильно понять нашу современность, современную эпоху. Только большой исторический материал, исторический фон позволяет увидеть величие сегодняшнего дня. Если мы станем смотреть на современность с расстояния двадцати, даже сорока или пятидесяти лет, мы увидим немного. Современную эпоху можно по-настоящему оценить только в свете прошедшего тысячелетия.

О связи древнерусской литературы с литературой нового времени и даже с советской можно говорить очень много. Поэтика древних проникает в нашу литературу не только отдельными сюжетами — она входит в самую ее сущность. Это очень хорошо видно на примере творчества Достоевского — вспомните его летописную манеру изложения событий под углом зрения вечности. Тот же знак вечности мне видится в начальных страницах «Белой гвардии» Булгакова, особенно там, где он говорит о Киеве, — та же широта взгляда, что свойственна древним авторам. Летописный стиль изложения просматривается у Лавренева, Бунина, Шолохова, в поэзии Прокофьева, Есенина, Багрицкого, в некоторых стихотворениях Цветаевой.

А Блок! Весь его цикл «Куликово поле» тесно связан с летописной «Повестью о Мамаевом побоище». Размах этой же темы просматривается в «Скифах», в «Двенадцати». Для древнерусской литературы было характерно то, что она все время заставляла человека задумываться о нравственных сторонах жизни, напоминала человеку о его предназначении, об обязанностях перед народом, перед своей землей, государством. Эта черта отличает и новую русскую литературу. Как пример приведу творчество хорошего русского писателя П. Лескова. Он тоже, как, впрочем, и Достоевский, предлагает читателю задуматься над тем или иным вопросом и никогда не навязывает своего ответа, только предлагает — решай сам.

Мне хочется еще раз подчеркнуть, что древнерусская литература представляет не только исторический интерес. Все, что связано с ней, обретает подчас самую современную остроту. Например, одно время на Западе получила хождение теория, согласно которой древнерусская культура провозглашалась культурой интеллектуального молчания. Это была оскорбительная для России теория. Но возникла она ведь только потому, что древнерусскую литературу мало знали. Архитектура и живопись были доступны всем — они наглядны. А литературу нужно переводить, что весьма трудно. Но ведь все фресковые и иконописные изображения опирались на определенный литературный материал. И не безграмотные люди создавали бессмертные иконы и фрески. Среди сюжетов столько людей с книгами в руках, столько текстов, заключенных в живописные обрамления, как ни в какой другой культуре мира! Изучение древнерусской литературы позволяет убедиться в том, что ее отличают такие черты, как глубокая эмоциональная и интеллектуальная насыщенность, истовая убежденность, стремление в сжатой форме ответить на коренные вопросы бытия, утверждать добро и справедливость.

Эти черты перешли потом в творчество великих русских писателей — И. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Они прослеживаются и в советской литературе вплоть до наших дней. Так можно ли говорить о каком-то интеллектуальном молчании, в атмосфере которого будто бы жили наши предки?

— *Чем вы объясните всевозрастающий интерес к древнерусской литературе во всем мире и особенно в нашей стране?*

— Тяга к древнерусской литературе — явление не случайное. Эта тяга вызвана стремлением обратиться к своим национальным традициям. Каждая культура ищет связей с прошлым, ищет «созвучия» в одной из культур прошлого. Так, Ренессанс и классицизм искали идеалов в античности, барокко и романтизм — в готике. Наша современная культура обращается к эпохам большого гражданского подъема, к эпохам борьбы за национальную независимость, к героическим темам. Именно это глубоко представлено в культуре Древней Руси. Кроме того, привлекает свойственное древнерусской литературе стремление поднимать большие нравственные проблемы, удивительное внимание к отдельному человеку, умение увидеть в нем личность, желание понять и сострадать его боли. Вот эти вечные и неизменные критерии, мне кажется, сегодня особенно привлекательны.

Наверное, в известной мере привлекает и попытка с помощью истории разобраться в том, что хорошо, что плохо, что добро, что зло. История всегда современна. Интерес к древнерусской литературе действительно характерен сейчас для молодежи всего мира. Книжки по древнерусской культуре, литературе и искусству издаются и переиздаются повсюду. Достаточно сказать, что первые двадцать томов Трудов отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) переизданы за рубежом дважды — в США и ФРГ. Неоднократно издавались за рубежом такие памятники, как «Повесть временных лет», «Киево-Печерской патерик», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Житие протопопа Аввакума» и многие другие. Литературные памятники Древней Руси переводятся и издаются даже в Японии, и это свидетельствует об огромной исторической и художественной ценности этих произведений.

Древнерусское искусство привлекает современников и эстетически, поскольку отличается лаконичностью, красочностью, сознанием значительности всего происходящего, смелостью в решении художественных задач, подлинным своеобразием. Я с радостью отмечаю, что тяга к древнерусской культуре перестает быть поверхностной модой, а становится все более глубоким и широким явлением. А изучать в этой области есть что. Так, например, объем рукописного наследия, сохранившегося в наших архивах, колоссален.

Археологические экспедиции на Севере и в Сибири каждый год привозят десятки рукописных книг. Летом 1985 года древлехранилище Пушкинского дома пополнилось 50 рукописными книгами, среди которых есть книги XVI и XVII веков. Все они собраны среди местного населения.

Наследие рукописного периода нашей книжности — одно из самых больших книжных средневековых наследий в Европе. Так что работы предстоит немало.

— Дмитрий Сергеевич, среди ваших публицистических работ особый читательский интерес вызвала статья «Экология культуры». Проблема, которую вы затрагиваете в ней, очень актуальна. Я даже думаю, что эта статья как бы открывает новое направление в науке, причем не столько в литературоведении, сколько в истории культуры. Хотелось бы, чтобы вы поделились вашими соображениями по этому поводу.

— Да, этой статьей я действительно неожиданно затронул один из самых животрепещущих вопросов современности, который нашел отклик у людей самых различных профессий, судя по тому, какую я получаю почту и как многие издания перепечатали эту статью. Должен сказать, что, говоря об экологии культуры, я исходил из принципа В. И. Вернадского, который писал о биосфере и ноосфере. Человеку нужен чистый воздух, чистая земля и так далее. Все это необходимо и очень важно сейчас, потому что природа теперь иная, чем раньше. Она рассержена на нас, она идет против нас. И в этом виноваты мы сами — недостаточно бережем ее. Вот почему теперь уже нельзя говорить о том, что мы должны что-то брать у природы, что-то

требовать от нее. Нет, теперь мы должны только беречь ее, иначе она совсем рассердится, и мы не сможем жить.

Однако человеку нужен не только чистый воздух. Ему необходима и своя собственная история. Он создает свое окружение, сферу культуры. Вот почему сохранение остатков прежней культуры чрезвычайно важно сейчас. Ведь по своей сути это высокая нравственная задача. Короче говоря, стоит вопрос об экологии культуры. Сохранение сферы культуры так же важно, как и сохранение природы, сферы биологической жизни. Без второго произойдет биологическое разрушение человека, без первого произойдет нравственное разрушение человека.

А нравственное разрушение человека, вы представляете, что это такое? Допустим, что атомная бомба попадет в страну, где власть захвачена диктаторской, безответственной группой людей. А затем эта же атомная бомба вдруг окажется карманной — ведь и до этого может дойти, и что же тогда? Ее обладатель будет терроризировать город, государство, страну, требовать выкупа, словом, нетрудно представить все последствия поступков безнравственного человека. Ведь примеры тому на Западе можно найти уже и сегодня.

Вот почему нравственное воспитание никогда не было так важно, как сейчас. И развитие техники в XXI веке должно совершаться, на мой взгляд, вместе с развитием гуманитарных наук и гуманитарных знаний. И первыми воспитателями должны быть искусство и литература. Я придаю литературе государственное значение, вот почему так и обеспокоен сокращением часов на гуманитарные науки в школе. Это, по-моему, большая ошибка. Точно так же недостает гуманитарных дисциплин во многих технических вузах, особенно в строительных. Там обязательно нужно изучать историю и литературу. Ведь будущий архитектор просто не сможет работать без определенной подготовки в этой области. Пошлют, скажем, молодого специалиста в исторический город, а он начнет там сносить памятники старины, которые покажутся ему ничего не стоящими. Кстати сказать, такие примеры уже известны, к сожалению.

Но я отвлекся. А хотелось бы еще раз подчеркнуть, что если экология — наука об охране окружающей среды — уже преподается как дисциплина в университетах и в некоторых вузах, то экология культуры — понятие, которое нужно срочно вводить в научный обиход и в практику. Для жизни человека, как я уже говорил, культурная среда не менее важна, чем среда природная. И сохранение этой культурной среды — очень ответственная задача, потому что она необходима для его нравственной, духовной жизни, для его «духовной оседлости», его нравственности, самодисциплины и социальности.

Я уже писал, что пора заняться изучением нравственного значения и воздействия на человека всей культурной среды, хотя сам по себе факт воспитательного влияния на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения. Вот, к примеру, после войны в Ленинград вернулись далеко не все ленинградцы, тем не менее вновь приехавшие в наш город быстро приобрели те особые, чисто ленинградские черты поведения, которыми по праву гордятся жители нашего города. Человек воспитывается в определенной, на протяжении многих веков сложившейся культурной среде, незаметно вбирая в себя не только современность, но и прошлое своих предков. История открывает ему окно в мир. А прошлое — оно ведь всюду вокруг нас. Улицы, площади, парки, дома — все это напоминает об очень многом. Творения прошлого, в которые вложены талант и любовь поколений, входят в нашу жизнь и становятся мерилем прекрасного. Прошлое учит нас уважению к предкам и чувству долга перед потомками. Вот когда прошлое и будущее становятся неразрывными потому, что каждое поколение — это как бы связующее звено во времени. Любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут множиться и возрастать.

Итак, в экологии два раздела — биологический и культурный, или нравственный. Убить человека физически может несоблюдение законов биологической экологии. Убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И нет между ними пропасти, как нет четкой границы между природой и культурой.

Однако есть различие, и весьма принципиальное. Оно заключается в том, что природа до известных пределов восстанавливается. Можно очистить от загрязнения реки, восстановить леса, поголовье животных, если не уничтожена та или иная порода целиком, если не погиб тот или иной

6 Зак. № 367 145 вид растений. Природа даже сама помогает при этом, потому что она «живая», обладает способностью к самоочищению, к восстановлению нарушенного человеком равновесия. Она залечивает раны, нанесенные ей извне — пожарами, вырубками, ядовитой пылью, сточными водами.

Иначе обстоит дело с памятниками культуры. Их утраты невозможны, потому что памятники эти всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. Можно создать макеты уничтоженных зданий, как это было, например, в Варшаве, разрушенной нацистами, но нельзя восстановить здание как документ, как свидетеля эпохи своего создания.

«Запас» памятников культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Вот почему я считаю, что вопрос об охране культурной среды, памятников культуры — это вопрос исключительной важности. Однако любовь к своей стране, к ее памятникам должна быть не платонической, а действенной. А для этого нужны знания, и не только краеведческие, но и более глубокие, объединенные в особую научную дисциплину — экологию культуры.

Очень много — я уже писал об этом — для сохранения памятников отечественной культуры делается в Ленинграде, но даже и в таком городе есть серьезные просчеты. Например, следовало бы твердо помнить о существовавшем прежде правиле, которое запрещало строить дома выше определенной отметки. Именно

благодаря этому правилу Ленинград в значительной мере сохранил единство своего архитектурного облика. Застройка Ленинграда с его бурными железными крышами вовсе не рассчитана на то, чтобы рассматривать его сверху. Это город горизонтальных линий, он расположен на плоской местности. Другая особенность нашего города, которой он тоже обязан старинным постановлениям, это пастельные тона ансамблей. Ленинград знаменит цветом своих улиц, Невского, ансамбля Невы. После Октябрьской социалистической революции, когда появилась возможность окрашивать здания в плановом порядке, цветовая гамма города стала еще прекрасней. Другая деталь: в Петербурге запрещалось строить неоштукатуренные здания. Теперь об этом, к сожалению, забыли, и конечно же, серые кирпичные здания нарушают цветовую гармонию города, а ведь в Ленинграде цвет играет такую роль, как ни в каком другом городе мира.

Вот мы и подошли еще к одному вопросу, который тесно связан с проблемой экологии культуры,— к вопросу о памяти. Забыли о традиции не строить выше определенной отметки, забыли о пастельных тонах, о необходимости штукатурить здания... И что получилось? Память — великая вещь! Она единственное, что противостоит силе времени. Принято делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но именно благодаря памяти прошедшее прочно входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается в настоящем и соединяется с прошедшим в одну линию.

Память — это преодоление времени, преодоление смерти. В этом ее величайшее нравственное значение. «Беспамятный» — это прежде всего неблагодарный человек, безответственный, а следовательно, неспособный на добрые поступки. А человек, совершающий недобрые поступки, предполагает, что они не сохраняются ни в его собственной памяти, ни в памяти окружающих. Совесть — это память плюс моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, значит, нет и оценки. Так что без памяти нет совести. Вот почему очень важно воспитывать молодежь в моральном климате памяти — памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Такая простая вещь, как семейная фотография,— это важнейшее «наглядное пособие» нравственного воспитания детей да и взрослых. Уважение к труду наших предков, сохранение их орудий труда, традиций, обычаев, песен, развлечений, наконец, уважение к могилам предков — все это тоже воспитание. И подобно тому, как личная память каждого из нас формирует нашу совесть, наше отношение к близким, родным, друзьям, историческая память народа формирует нравственный климат, в котором живет народ. Память о прошлом прежде всего «светла», как сказал Александр Сергеевич Пушкин, и поэтична, и потому она еще воспитывает и эстетически.

— Дмитрий Сергеевич, какие задачи стоят перед литературоведением в XXI веке?

— Вопрос непростой. Прежде всего я должен сказать о тех областях, во главе которых я стою волею судеб. Это древнерусская литература. Здесь необходимо сделать описание всех рукописей, необходимо издать все памятники и создать настоящую научную историю литературы на основании истории отдельных памятников, а не на основании «вторичного сырья», как это делается некоторыми учеными. Нужно именно полное изучение всего рукописного наследия Древней Руси на основании старой научной методики. А это — гигантская работа. По далеко не полному исчислению академика Н. К. Никольского, количество рукописных книг XI—XVIII веков, собранных только в крупнейших архивах страны, составляет примерно 80—100 тысяч. Причем на каждую рукописную книгу приходится в среднем от 15 до 20 рукописных статей. Иными словами, количество списков древнерусских сочинений составляет от 1 миллиона 200 тысяч до 2 миллионов! По картотеке Н. К. Никольского, алфавитный список русских авторов и их сочинений насчитывает 9220 единиц. Добавьте список анонимных сочинений — 29 360 единиц и еще список славянских авторов и их сочинений — 1560 единиц, греческих переводных — 11 200. И это лишь по неполным данным картотеки Н. К. Никольского! Так вот, все это нужно изучить, нужно подробно описать.

Что же представляет собой рукопись? Это, как я уже сказал, сборники, включающие иногда несколько десятков различных статей. Между тем многие люди думают, что «Слово о полку Игореве» — это тетрадошка, которая переписывалась отдельно и так была найдена. Да нет, совсем не так! «Слово» переписывалось одновременно с другими произведениями, входящими в большие сборники, и найдено в составе хронографа, в котором было еще несколько очень ценных произведений.

Так что каждая рукопись — сборник различных статей, и сделать их научное описание крайне важно, ибо что ни экземпляр, то что-то новое. Писец непременно включал в него что-нибудь свое, что-то новое по векам, в зависимости от своих собственных вкусов, вкусов своей эпохи, от изменения стиля, появления новых требований читателей, от того, для чего и для какого сборника он переписывал. Поэтому изучать надо каждый экземпляр.

Этот огромный труд — семь веков древнерусской литературы — нужно проделать нашему сектору, в котором всего около десяти человек, и работникам рукописных отделений, которые всегда заняты выдачей книг, их хранением и так далее. Но тем не менее это нужно сделать. Существуют научные описания, которые делались еще в XIX веке, очень хорошие описания, но для своего времени. С тех пор уже открыт новый материал для сопоставления, и многие выводы, которые были хороши для своего времени, сейчас не годятся. Я подчеркиваю, что нужно именно полное описание, не просто каталог, фиксирующий наличие рукописей, количество страниц и название статей. Надо разобраться, в какой редакции и где эти статьи были помещены, с чем они могут быть сопоставлены, какие в них новые элементы и так далее.

Необходима также большая и кропотливая работа по воскрешению памятников, по их изданию. Еще очень многое не изучено, многое забыто, погребено в рукописных хранилищах. И все это нужно сохранить для

будущих исследователей и для того, чтобы памятники стали действенными участниками в строительстве современной культуры. Наши рукописные богатства бесценны. Еще многие десятки русских и славянских рукописей не исследованы или исследованы очень поверхностно. А сколько еще можно «открыть» в рукописных хранилищах! Вот почему сегодня очень велика потребность в работниках рукописных хранилищ, в людях, которые любят древнерусскую литературу и готовы посвятить ее изучению жизнь.

Это в отношении древнерусской литературы. А ведь надо сделать и многое другое. Нужно развитие теории о том, что представляет собой история литературы как часть истории культуры, что в нее включать, как ее рассматривать. Вообще задач очень много. Изучение, скажем, биографии писателей необходимо. Изучение стихосложения, истории русского стиха. Или взять, к примеру, пушкиноведение.

— Разве оно мало сделало за минувшее столетие?

— Оно сделало колоссально много, но, как известно, в науке всегда так — чем больше делаешь, тем больше требуется сделать. Вот и оказывается, что пушкиноведы, старые, маститые пушкиноведы еще далеко не все сделали. Например, рукописи Пушкина научно не описаны по современной текстологической методике. Ведь часть рукописей Пушкина — это толстые бухгалтерские книги, переплетенные в кожу. И он писал в них очень беспорядочно, где придется, то с одного конца, то с другого, просто на свободных местах, на уголках. Нужно описать историю заполнения этих тетрадей Пушкиным. Это можно сделать. Ведь существует наука текстология, существует анализ чернил, почерка и так далее. И это уже начали делать отдельные пушкинисты. Но необходимы новые кадры пушкиноведов. Наконец, крайне важно составление нового академического собрания сочинений Александра Сергеевича Пушкина, потому что старое академическое издание было неполным. Там нет примечаний, не опубликован том с вариантами, хотя и был подготовлен. В пушкиноведении перед учеными стоят огромные задачи, потому что Пушкин — это наше самое большое национальное достояние. Понятно, что необходимо создать и пушкинскую энциклопедию. Это задача неизмеримой трудности, потому что поэт по своим знакомствам, кругу общения, по своему влиянию, отражению своих произведений в других произведениях, в музыке, в искусстве и был поистине беспределен. И значение Пушкина для русской культуры во всех ее областях необычайно велико.

И в заключение мне бы хотелось еще несколько слов сказать о прошлом. Надо любить свое прошлое, любить и гордиться им. Но и любить нужно умно, выбирать лучшее, такое, чем действительно можно гордиться и сейчас, и в будущем. Мы должны понимать, что, преклоняясь перед изумительной красотой архитектуры Индии, не обязательно быть магометанином, как не обязательно быть буддистом, чтобы ценить красоту храмов древней Камбоджи или Непала. Разве найдете вы сейчас где-нибудь человека, который верил бы в античных богов и богинь? Не найдете. Но разве найдутся и люди, которые бы отрицали красоту Венеры Милосской? А ведь она богиня! Иногда мне кажется, что мы, люди нового времени, больше ценим античную красоту, чем сами древние греки и римляне. Для них она была слишком привычной.

Не потому ли и мы, советские люди, стали так остро воспринимать красоту древнерусской литературы, живописи, архитектуры и музыки — высочайших вершин человеческой культуры. Только сейчас мы начинаем осознавать это, и то не в полной мере! Цени прекрасное в прошлом, защищая его, мы тем самым как бы следуем завету А. С. Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Вот почему эстетическое изучение памятников древнего искусства мне представляется очень актуальным вопросом. Мы обязаны поставить памятники культуры прошлого на службу будущему. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, должны сохраниться для будущих поколений.

Думая о наших детях, внуках и правнуках, мы верим, что в их жизни не будет войн и что у них будет все. Но это все — не только межпланетные корабли и победа над социальной несправедливостью, старостью, болезнями и смертью. Это — и сияние зорь над бескрайними русскими полями, и золото осенних рощ, и красота полноводного Волхова, и весенние пересвисты птиц над приильменскими просторами... Больше чем когда-либо нашим потомкам нужна будет Родина, ее красота и ее славное прошлое.

Беседу вела Ирина Константинова